

ГЕРОИ на экране: каким ему быть? Вопрос обращен к практикам, к тем, кто сегодня создает образ этого героя и будет создавать его завтра. И неудивительно, что дискуссия становится живой, когда ее участники отходят от общих рассуждений и обращаются к нашим сегодняшним, но далеко не сиюминутным проблемам.

По моему глубокому убеждению, есть только один критерий оценки самим автором своего произведения: стыдно тебе за сделанное или не стыдно? А стыдно может быть только тогда, когда снимаешь фильм для того, чтобы кому-то понравиться, когда импульс, толчок к делу не в тебе самом, не в твоей душе, сердце и совести.

Если же ты искренен, если веришь в то, что делаешь, если отвечаешь за свои слова, за свой фильм и готов их отстаивать на любом строжайшем критическом и зрительском суде, стыдно тебе не будет даже за свои ошибки, ибо это ошибки человека, гражданина, художника, искренне верившего в то, что он делал и делает.

Трудно судить о своей работе, тем более последней, — свое дитя самое красивое. Но я верил и сейчас убежден, что наша новая картина «Родня» нужна. Мы делали ее с открытым сердцем, с болью за все то, что еще нам мешает. Мы знаем, что когито эта картина раздражает, даже отталкивает. Но я убежден, необходимо говорить о том, что массовая культура Запада несовместима с нашими духовными корнями, говорить о том, как мы порой тянемся за этой массовой культурой, шумной и пустой, творя, как нам кажется, что-то свое, а на самом деле следуя чужим сколкам.

Человек согревает собой свою землю, как и она согревает его только тогда, когда жизнь его наполнена не суетной погоней за синицей в руках, не жадной обывательского благополучия, а постоянной духовной работой в поисках ответа на вопрос: «Для чего я живу, что есть моя жизнь и как я могу положить ее во благо того, что мы называем **наше** — в самом большом и глубоком смысле этого слова».

Мы обязаны были хотя бы попытаться помочь зрителю приостановиться, прислушаться, оглянуться на собственную жизнь. А без серьезного разговора мы этого зрителя попросту не удержим. Более того, потеряем его уважение, а самое главное — его доверие к нам. Кстати, зритель нередко совсем не узнает себя на экране, ведь не случайно про что-то сверхъестественное, неправдоподобное люди говорят: «Ну, это, как в кино!». Конфликты хорошего с лучшим, несущестующие отношения и характеры, небывалые интерьеры, костюмы, которые нельзя купить в магазине, — все это выносит нашу массовую кинопродукцию за рамки доверия к ней. Мы зачастую увлекаемся погоней за зрителем и идем по самому легкому пути, лихо скорректировав теорию: касовый фильм кто-то назвал зрительским, затем массовым, демократичным. И осуждать его становится как-то неуютно, не по себе, что ли.

В. И. Ленин назвал кинематограф искусством. А искусство — это художественность. Но именно критерий художественности-то мы часто не учитываем. Профессия кинорежиссера, увы, во многом дискредитирована усилиями людей, спекулирующих на важных и серьезных темах, дискредитирована, несмотря на то, что в нашем кинематографе трудятся большой отряд замечательных мастеров своего дела, подлинных граждан и патриотов своей страны.

У меня, может, слишком наивно человека, возникает такой вопрос: почему за спекулятивно вещами полагается наказание, а за спекуляцией на актуальности темы не наказывают? Бездарная, плохо, неумело сделанная картина, но на важную социальную тему, выходя на экраны, приносит больше вреда, чем пользы. Но она выходит именно потому, что вроде бы актуальна сама тема. И еще только начиная, ной режиссер уже совер-

шенно уверен, что все будет в порядке, главное — соблюсти правила игры. Не отсюда ли эта тенденция к усредненности, о которой справедливо и точно писал в газете М. Ульянов? Но хочу добавить: усредненность художественных критериев неизбежно ведет к утере критериев нравственных, к депрофессионализации.

Нравственность и уровень профессиональной компетенции. Парадокс, но только при поверхностном взгляде на вещи.

ГЕРОИ НА ЭКРАНЕ: КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

УВАЖАТЬ — ЗНАЧИТ ВЕРИТЬ

ВСЕ проблемы нашего кино — творческие и многие производственные — замыкаются в конечном счете на уровне компетенции режиссеров.

Я не знаю, каким будет герой — смешным, грустным, трагичным, но я твердо знаю, что он будет равномастителен (в широком смысле) личности режиссера. Творческие судьбы актеров, операторов, сценаристов, да практически всех, кто занят в кинопроизводстве, зависят от встречи с подлинными режиссерами. Достаточно массовый и стихийный в целом прорыв актеров, операторов и даже сценаристов в кинорежиссуру для меня сигнал тревоги. Одни не удовлетворены предлагаемым им уровнем, другим кажется, что все очень просто и престижно.

Драматургия фильма — тема серьезная, требующая подробного и отдельного разговора. Однако для меня совершенно очевидно, что сценарий не существует как самостоятельное произведение искусства. Сценарий — это повод для фильма. Сценаристу, претендующему на самоценность своего дитя, можно лишь посоветовать переделать сценарий, поелику это возможно, в повесть, роман, рассказ и печатать его как самостоятельное литературное произведение. Подлинно же профессиональный сценарий должен быть жестко ориентирован на экран и даже на конкретного режиссера. Учитывать не только **что**, но и **как** и даже **кто**. Слово не может заменить мастерства режиссера, усилить уровень его мышления. Тут и начинаются мятарства многих сценаристов, я говорю о сценаристах талантливых. Суть в том, что они вынуждены заведомо рассчитывать на среднего режиссера, который в лучшем случае способен передать сюжет. Естественно, появляется усредненный сценарий.

Когда же происходит встреча талантливого сценариста, способного «раствориться» в фильме, с режиссером профессиональным в лучшем смысле этого слова, то, как говорится: «Нас ждет радость открытия». Увы, так редко они.

Теперь о так называемой проблеме актера. И кто о ней только не писал! Сколько несостоявшихся судеб, сколько несыгранных ролей... Не только герой на экране, но и актер, создающий его образ, в конечном итоге зависим от того же масштаба личности режиссера, уровня его профессиональной компетенции.

В кино с актером работать надо! Помогать ему! Ведь он подвергается испытанию. Да прости меня друзья-колеги за сравнение: по правилам испытания рысистых лошадей наездник, скрывший возможности лошади, проехавший фальшь-пейсом, подвергается наказанию вплоть до лишения права езды и тренинга лошадей. А тут слышны фальшь-пейсы и нераскрытые резвости — аяничего, все мило!

В лучшем случае режис-

сер не мешает актерам, в худшем — совершает ритуал самоуверждения. В лучшем — сборная труппа нагряивает перед камерой, в худшем — актер уходит с площадки подавленный и униженный. Работать с актером могут считанные режиссеры. Другие не только не могут, но и не очень-то стремятся. Главное — заполучить поинтегнее. Задачи, которые ставит перед актером «автор» фильма, зачастую профессионально унижают, один из худших вариантов — ему

зе говорил: у каждой накладки есть имя, отчество и фамилия. Об этом забывать нельзя. Боюсь, что не точно цитирую, но за суть отвечаю.

Зачастую же заведомые пустоваты беспрепятственно тратят народные деньги, тонко рассчитывая на то, что сработает основной бюрократический критерий — привычность. Привычно — значит хорошо, непривычно — плохо! А ведь еще А. П. Чехов говорил: «Что талантливо, то ново, что ново, то талантливо». Как точно и емко сказано: не модно, а ново. Укрыться за «нет», что может быть проще! Ведь никто и никогда не нес ответственности за неосуществленный талантливый замысел.

На каждом участке нашего кинопроизводства работают десятки достойнейших, бескорыстных людей, талантливых, искренних, преданных делу. Именно они определяют то лучшее, чем мы справедливо гордимся. Но, увы, попадают и, к сожалению, не находят должного отпора люди безответственные, с размытыми нравственными критериями. Как я могу серьезно и с уважением воспринимать советы такого, скажем, руководителя, который считает себя возможным выступать соавтором сценария, хоть и под псевдонимом, и лично присутствовать как должностное лицо на его обсуждении подчиненными ему людьми? И как должны чувствовать себя эти люди, вынужденные принимать участие в подобном фарсе? Как я могу относиться к тем, кто упорно и настойчиво поддерживает ленту, девизом которых могут послужить слова песни из известного телефильма: «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет». Но меня, да, я думаю, всех нас уже давно интересует кто именно, где и когда. Слишком много еще, к сожалению, у нас картин, которые напоминают часы с одной-единственной стрелкой — минутной: или двадцать минут чего-то, или без пятнадцати что-то. В них нет авторской гражданской личностной позиции, без которой не может существовать искусство вообще, а уж в наше требующее конкретности время — тем более.

БУДУЧИ совсем молодым актером, я снялся в чудесной картине Георгия Данелия «Я шагаю по Москве». Я люблю этого режиссера. С любовью всегда буду помнить наш коллектив, нашу работу. Эта картина сделала свое дело — она открыла целый этап в нашем киноискусстве. Но сегодня очевидно: лирическое кино изжило себя — оно осталось в своем времени. Критические похвалы в его адрес не что иное, как безответственность и язычество вежливости. У каждого времени свой художественный знак. Я не знаю, да и вряд ли кто-нибудь знает, чье творчество станет символом нашего времени. Но я точно знаю, что сегодня необходим разговор прямой и нелицеприятный, разговор о добре и зле, о тех и том, и кто, и что мешает нам жить. И также совершенно очевидно, что разговор этот должен идти с конкретностью, страстью и глубиной, унаследованной от нашей классической русской культуры. Другого пути нет.

Только за последнее время на наших экранах прошли отличные, высокопрофессиональные ленты, отмеченные печатью подлинной талантливости и высокой партийной принципиальности. Перед нашим киноискусством стоит и столь ответственная задача, как создание образа положительного героя. Это возможно только при высокой принципиальности и высоким профессионализме самих кинематографистов. Но, как это ни печально сознавать, работ серых, беспринципных, не отвечающих уровню нашего зрителя, пока гораздо больше.

Профессионально мы стоим на одной дорожке с теми режиссерами, за работами которых нет ни конкретного чувства, ни конкретного дела — один лирический туман да шифрованные пустоты. Но идти мы обязаны в другую сторону.

Никита МИХАЛКОВ,
заслуженный артист
РСФСР, лауреат премии
Ленинского комсомола.